

Глава 4 МОРФОЛОГИЯ

Лексический материал эпиграфических памятников данной группы позволяет установить наличие следующих частей речи: 1) имени существительного, 2) имен прилагательных, 3) имен числительных, 4) местоимения, 5) глагола, 6) послелога и 7) союза.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

К а т е г о р и я ч и с л а. В тюркских языках единственное число не имеет своего формального показателя и считается "нулевой формой", ср.: *tānri* [164] 'всевышний, бог, божество', *qızı* [62] 'его дочь', *ajı* [62, 80, 127, 153 и т. д.] 'его месяц', *oğlu* [62, 80, 91, 139, 153, 175 и т. д.] 'его сын' и др. Для тюркских языков, в особенности для их древнего состояния, характерна экономия выразительных средств, поэтому зачастую число может выражать множественность-собрательность. Однако скудость (точнее, однотипность) фактического материала не позволяет рассмотреть формы ед. числа в семантическом аспекте.

Морфологическим показателем множественного числа является аффикс *-lar* // *-lär*, который представлен в текстах без всяких разновидностей. Для форм с этим аффиксом характерно значение членимой множественности^I см., например: *galımlärqa tärbiyä qılqan* [153] 'содержавший ученых', *mävzedlär gıjmarät qılqan* [153] 'воздвигавший мечети'. Аффикс *-lar* // *-lär*, употребляясь в составе определяющего члена изафетной конструкции, может передавать экспрессивность, см.: *jegetlär kögke* [91] 'краса молодых', *köçellär özäge* [91] 'сердце сердец (досл.: стержень сердец)'.^I

В языке этих надписей арабские формы мн. числа не воспринимаются как множественность и присоединяют к себе тюркский аффикс мн. числа, ср.: *golämalar* [139] 'ученые' < *goläma* 'ученые' (арабская форма) + тюркский аффикс *-lar*.

В текстах можно указать и на некоторые аффиксы, употреблявшиеся когда-то в качестве показателей собирательности-множественности (коллективности), но уже в древнетюркскую эпоху утратившие свою продуктивность. Это общеалтайский формант *-e* в составе аффикса принадлежности 3-го лица (*belgüse* [212] 'его надмогильный знак') и *-tun* (см.:

^I Подробнее см. в работах Н. К. Дмитриева (1956, 65-71), А. Щербака (1977, 90-91), А. Н. Кононова (1980, 145-147; 1969, 3-20).

Бертагаев 1976, 49-50): $\dot{\chi}atun^2$ [164] 'госпожа'.

В надписях множественность выражена и синтаксическим путем, то есть при помощи неопределенного числительного $\dot{u}k\ddot{u}e$ 'много': $\dot{u}k\ddot{u}e \dot{\chi}a-jer wa\dot{x}ibe$ [153] 'вершитель множества благодеяний (досл.: хозяин много благодеяний, добра)'.

К а т е г о р и я п р и н а д л е ж н о с т и. Эпитафийный характер надписей предопределял и употребление формы, выражающей отношение принадлежности. Таковой является форма 3-го лица ед. числа, которая имеет две разновидности: о $-i// -i// -e$ (после основ на согласный) и с $-ai// -ai$ (после основ на гласный), например: $\dot{y}or\ddot{g}\ddot{a}-ae$ [90, 211, 214] 'его новолуние', $or\ddot{t}\ddot{a}-ai$ [91] 'его середина', $k\ddot{o}rk-e$ [91] 'его краса', $be\dot{g}\ddot{u}-ae$ [212] 'его надмогильный знак', $q\ddot{i}z-i$ [62] 'его дочь' и т. д.

Других форм принадлежности в текстах памятников пока не обнаружено.

К а т е г о р и я п а д е ж а. В этой группе эпиграфических памятников Волжской Булгарии представлено шесть падежей: основной (без формального показателя), притяжательный ($-ni\dot{c} // -ne\dot{c}$), винительный ($-ni // -ne$), направительный ($-ya // -g\ddot{a}$, $-qa // -k\ddot{a}$), местный ($-da // -d\ddot{a}$), исходный ($-da$).

Основной падеж в надмогильных надписях, как и во всех тюркских языках, не имеет специального показателя и, как обычно, ему присущи разнообразные функции. Он может выступать как: а) подлежащее: $T\ddot{a}n\dot{r}\ddot{i} g\ddot{a}h\ddot{m}\ddot{a}te ber\ddot{l}\ddot{a} wewend\ddot{u}rg\ddot{e}n$ [164] 'пусть обрадует всевышний своей милостью!'; б) прямое дополнение: $w\ddot{a}e\dot{z}ed\ddot{l}\ddot{a}r g\ddot{i}jmar\ddot{a}t q\ddot{i}lqan$ [153] 'воздвигавший мечети'; в) часть сложного глагольного сказуемого: $\dots \dot{\chi}atun ot\ddot{i}z be\ddot{a} j\ddot{a}-\ddot{a}lnda wafat bold\ddot{i}$ [164] '...госпожа в тридцать пять лет окончалась'; г) определение в изафетной конструкции: $k\ddot{o}q\ddot{e}ll\ddot{a}r \ddot{o}z\ddot{a}ge$ [91] 'сердце сердец (досл.: стержень сердец)'.

Притяжательный падеж оформляется при помощи афф. $-ni\dot{c} // -ne\dot{c}$ и в текстах употребляется при названиях месяцев (и то в посессивных формах): $\dot{z}omad\ddot{i}-l-\ddot{a}ww\ddot{a}l\ddot{i} aj\dot{n}i\dot{c} \dots k\ddot{u}ne$ [153, 181] '...дня месяца джумида I', $\ddot{a}ww\ddot{a}l aj\dot{n}i\dot{c} \dots k\ddot{u}ne$ [62] '...дня месяца шавваль', $w\ddot{o}r\ddot{a}rg\ddot{a}m aj\dot{n}i\dot{c} -k\ddot{u}ne$ [182] '...дня месяца мухаррам' и т. д.

Как видно из примеров, и это отмечается всеми исследователями, и в тюркских языках притяжательный падеж выражает связь имен, то есть образует изафетную конструкцию. В древнетюркских памятниках, как известно, афф. $-ni\dot{c} // -ni\dot{c}$ присоединялся лишь после гласных основ, а после со-

² А. М. Щербак (1977, 87) приводит монгольскую письменную форму мя. числа $qatut$ (ед. число - $qatun$), где $-(u)t$ является формантом мн. числа. Т. М. Бертагаев же (1976, 49-50) титул $\dot{\chi}\ddot{a}t\ddot{a}n$ считает образованным от $\dot{\chi}\ddot{a}n > \dot{\chi}\ddot{a}-t\ddot{a}n$, в котором морфема $-t\ddot{a}n$ показывает собирательное множество. Если принять эту версию, то формант оказывается состоящим из двух показателей множественности: $-t + -(a)n$.

гласных основ употреблялись $-in// -in$, $-iy// -ig$ (см.: Кононов 1980, 161). В восточнотуркестанских текстах X-XIII вв. единственным формантом этого падежа остается $-niq// -niq$, хотя А. М. Шербак (1961, 86) замечает, что об этом падеже можно говорить лишь имея в виду только местоимение. Как указывает М. Мансуроглу (Manсуроглу 1959, 98), единственными показателями притяжательного падежа в караханидском литературном языке являются аффы $-niq// -niq$, $-niq// -niq$; то же самое можно говорить о хорезмско-тюркском и чагатайском языках (см.: Бокманн 1959, 121; 1959а, 148). В исследуемых нами надписях XIII-XIV вв. наличие аффы $-niq$ можно предполагать и после основы на согласный звук. Здесь имеется в виду словосочетание $meskenlägmeq$ [153] 'несчастных'³, так как структура текста допускает возможность применения форманта притяжательного падежа. В эпитафиях в качестве одной из достойных уважения и восхваления черт покойного обычно отмечается его помощь беднякам⁴. И на интересующем нас надгробьи словосочетание $meskenlägmeq$, скорее всего, является примененным определением изафета III.

Винительный падеж в древнетюркском языке имел ряд показателей, которые восходили к аффы $-niy// -niq$ (Кононов 1980, 150), но уже начиная с X в. винительный падеж стал оформляться аффы $-ni// -ni$ (см.: Шербак 1961, 78), хотя М. Мансуроглу (Manсуроглу 1959, 99) отмечает и употребление аффы $-iy// -ig$ в караханидских памятниках. В хорезмско-тюркском и чагатайском литературных языках же применение аффы $-iy// -ig$ исследователями не отмечено (Бокманн 1959, 121; 1959а, 148).

В исследуемых нами текстах XIII-XIV вв. винительный падеж образуется также при помощи аффы $-ni// -ni$, и в предложении слово, оформленное данным падежным показателем, выступает как прямое дополнение (эта функция была характерна и для основного падежа), например: $galimlägme arırlayan$ [91] 'почитавший ученых', $jätim, tul öksüzlägme asraçan$ [91] 'кормивший сирот и вдов (досл.: осиротелых и вдових сирот)'

Направительный падеж независимо от окончания основ оформляется аффы $-qa// -kä$, $-ya// -gä$, в составе которых уже присутствуют два аффика направительного падежа: $q // k // y // k$ и $ä // a$ ⁵. Слов, в которых имелись бы и показатели принадлежности, фиксировано, аф. $galim-$

³ Г. В. Юупов (1960, табл. 12) данный шрифт оставил неизменным, то есть отметил это место многоточием, в то время как Х. Кононов (1863, 397) предложил два варианта восстановления текста $meskenlägmeq$.

⁴ См., например, тексты надгробий из Кухистана (Мухтаров 1978, 44, 46, 67, 68 и др.).

⁵ Для сравнения укажем, что в текстах тюркским формантом этого падежа является $-a$ (см.:

lärqa [153] 'ученым'⁶, baqlı döñjaça [182] 'в мир вечный'⁷. Если в вышеуказанных примерах аффиксами направительного падежа передано значение направления, то в слове nižrätqa [90, 164] 'по хидяре (досл.: в хидяру)' аффикс этого падежа несколько расширил свою функцию. Здесь -qa придает слову местно-временное значение, то есть выполняет функцию местного падежа. Общеизвестно, что в тюркских языках направительный падеж имеет также и значение локальности (подробнее см.: Хакимзянов 1978, 60).

На нескольких надгробьях при обозначении даты принята несколько иная конструкция предложения, отличающаяся от общепринятой. Если в большинстве памятников слово tariḫ 'дата, летосчисление' стоит в основном падеже (ср. tariḫ jeti jüz jegerme törtä [127] 'по летосчислению в семьсот двадцать четыре'), то на этих надгробьях оно поставлено в направительном падеже: tariḫqa 717 [91] 'по летосчислению 717 (досл.: в дату 717)' или wafatı boldı: tariḫqa jeti jüz jegerme toqızda erdi [112] 'его смерть произошла: по летосчислению (досл.: в дату) семьсот двадцать девять было'. Такая же картина наблюдалась и в памятниках на т- и дж-диалектах (Хакимзянов 1978, 59-61).

Между тем в ярлыках, татарских надгробных памятниках, произведениях устного народного творчества татарского народа, среднетюркских литературных памятниках - всюду слово tariḫ ставится в основном падеже. Употребление направительного падежа в некоторых текстах можно было бы объяснить двояко: 1) как заметил еще О. Прицак (Pritsak 1959a, 291), правда, в отношении другой группы памятников, - направительный падеж применяется для передачи значения арабского предлога فی fi 'в', то есть данная тюркская форма является неоригинальной и налицо перевод арабского предлога. Однако предполагаемая конструкция fi tariḫi для памятников этого региона не характерна; 2) как известно, др.-тюрк. -qa//--ka являлись показателями направительно-местного падежа; ср.: üc

⁶ Г. В. Юсупов (1960, табл. 12) приводит форму galimlägä 'ученых' (то есть предполагает аффикс винительного падежа), однако на эстампе ясно видно закругление начального знака аффикса, а не зубчик буквы нүн. Х. Фейзаханов (1863, 396) придерживался чтения galimlärgä. Данная, спорно читаемая буква (g или q) вырезана без диакритического знака и осмотр памятника на месте в полевых условиях показал, что этот знак больше тяготеет к q, чем к g. Не является ли употребление афф. -qa в нарушение сингармонизма согласных, данью литературным традициям? Ведь в древнетюркском языке звонкий вариант употреблялся весьма редко (Кононов 1980, 153), в караханидских памятниках - то же самое (Mansuroğlu 1959, 100). Ср. также написание слова mu'minca [139] 'правовверному'.

⁷ Г. В. Юсупов (1960, табл. 45) это слово оставил непрочитанным.

jetmiş jañınça adiriltim 'когда мне было шестьдесят три года, я расстался с этим миром'.

В отличие от надписей на т- и дж-диалектах в этой группе памятников волжских булгар при обозначении даты лексема jil 'год', как правило, отсутствует, хотя в арабоязычных текстах его арабский эквивалент и имеется. Даже по этой причине предположение о переводном характере тюркских надписей кажется сомнительным.

Местный падеж в надписях оформлен при помощи аффикса -da// -dā, при этом в текстах он зафиксирован лишь в словах притяжательного склонения: İvraq otuz altı jañında erdi kim [182] 'Исхаку было тридцать шесть лет', İvavvāl ajınıñ ađrında erdi [213] 'было в конце месяца шавваль', Ƴograsendā [90, 211, 214] 'в новолуние' и др.

Трудно сказать, употреблялся ли в текстах глухой вариант аффикса местного падежа. В древнетюркском языке, например, были в употреблении оба варианта этого аффикса (-ta// -tā применялся после основ, оканчивающихся на -л, -н, -р). А. М. Щербак единственным формантом этого падежа для текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана указывает -da// -dā (Щербак 1961, 80-81), однако есть примеры и с глухим началом. Для литературных памятников караханидской поры М. Мансуроглу (Manıurođlu 1959, 100) указывает возможность оформления данного падежа и аффикса -ta// -tā, но речь ведет, в основном, об аффиксах со звонким началом.

Исходный падеж образован при помощи аффикса -dın и зафиксирован он лишь в одном случае: fanı dönjadın [182] 'из мира временного'. Применение окончания древнеуйгурского (точнее, карлукско-уйгурского) типа необходимо объяснить влиянием и сохранением существующей в те времена письменной-литературной традиции. Ведь в караханидских памятниках форманты исходного падежа имели лишь узкие или губные гласные (Manıurođlu 1959, 100)⁸, в восточнотуркестанском языке наряду с указанными типами был и аффикс с широким гласным -a- (-dan - см.: Щербак 1961, 81-82), для языка памятников Семиречья XIII-XIV вв. указываются форманты -dın и -dın (Manıurođlu 1959, III), то же самое отмечается в хорезмско-тюркских и чагатайских памятниках (Eckmann 1959, 122; 1959a, 148 - с добавлением варианта с глухим началом). В то же время в наиболее ранних тюркских памятниках - в древнетюркских - присутствовали аффиксы и с широкими, и с узкими гласными (см.: Кононов 1980, 158-159). А. М. Щербак (1961, 82) указывает, что огласовка a была свойственна манихейским текстам (то есть уйгуро-огузскому диалекту), а в более поздний период нашла отражение в "Диване" М. Кашгари.

Косвенные данные позволяют предположительно высказаться о возможности употребления и форманта с широким гласным в исследуемых нами па-

⁸ Здесь нужно отметить и употребление форм с формантом -da в значении исходного падежа.

мятников XIII-XIV вв.

Во-первых, в Среднем Поволжье были очень популярны такие литературные памятники, как "Кисса-и Йусуф" Кул Али (XIII в.) и "Кисекбаш китасы" (XIII-XIV вв.), написанные на локальном поволжском литературном языке, который, естественно, в течение долгого времени сохранял и карахандско-уйгурские элементы⁹. В языке этих произведений, хронологически совпадающих с исследуемыми текстами эпитафий Волжской Булгарии, параллельно употреблены форманты и с широкими, и с узкими гласными (Ахметгалева 1979, 82; كتابى ۱۰۱۱۱۷). Такое же явление встречается и в старотатарских письменных источниках, например в "Сборнике летописей" Кадыр-Галибека (1602 г. - см.: Хисамиева 1980, 10), деловых документах XVII в. (Маннапова 1980, 105), документах деловой письменности XVIII в. (Старотатарская 1981, 57 №/ и 63 - строка 15 и т.д.) и др.

Во-вторых, в другой группе памятников Волжской Булгарии - с признаковыми текстами - единственным показателем исходного падежа является -*тан*, ср.: *fani dōnĵaran* 'из мира временного' (Хакимзянов 1978, 61). И если в аффиксах *ä ~ ğ* является результатом ассимилятивных процессов, то наличие аффиксов с узкими и широкими гласными отражает очень древние диалектные расхождения (см.: Шербак 1977, 45).

Наличие единственного примера с показателем исходного падежа явно недостаточно для каких-либо категорических утверждений или суждений.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Из известных в тюркских языках продуктивных способов словообразования в данных памятниках встречаются аффиксация и субстантивация. Основным словообразовательным способом в текстах является аффиксация, то есть морфологический способ. В рассматриваемых памятниках словообразовательных аффиксов зафиксировано не так уж много.

-*ċi*: *altunċi* [92] 'золотых дел мастер' < *altun* 'золото, золотой' + афф. -*ċi*; *tamyaċi* [153] 'сборщик податей' < *tamya* 'знак, клеймо, печать' + афф. -*ċi*. Аффикс образует название лица по характеру занятия.
-*äk* // -*ek*¹⁰: *özäk* [91, 139] 'сердцевина, стержень; ядро чего-либо' < *öz* 'сердцевина, нутро' (подробнее см.: Севортян 1974, 506-508) + афф. -*äk*; *kögek* [91, 139] 'красота' < *kög-* 'видеть, смотреть' (см.: Раваев 1969, 292) + афф. -*ek*. В первом примере афф. -*äk*, присоединяясь

⁹ Подробнее о вариантах литературного письменнотюркского языка см.: Тевисев 1976, 230-232; 1979, 80-90.

¹⁰ Возможно, здесь употреблен афф. -*k*, так как в тексте имя дано с посессивным аффиксом (ср.: *köge* 'его краса'), тем более в относительно ранних тюркских памятниках имеются примеры параллельного употребления -*k* и -*ük* (> -*ek*) - см.: ДТС, 317-318.

к именной основе, образовал близкое по семантике новое имя в уподобительно-уменьшительном значении; во втором - от глагольной основы образовано новое слово со значением результата действия.

-γa: этот аффикс входит в состав слова *taɣaʃl* 'сборщик податей' (*taɣa* < *taɣ-* 'гореть' + афф. -γa), где он образует существительное со значением результата действия.

-gū: *beɪgū* [212] 'надмогильный знак, памятник' < *beɪ-* 'обозначать' (см.: Севортян 1974, 110) + афф. -gū. Здесь при помощи афф. -gū также образовано новое слово со значением результата действия. В другой группе памятников Волжской Булгарии это же самое слово было образовано с помощью афф. -ūk (Хакимзянов 1978, 82-83). Как указывает А. Н. Кононов (1980, 88-90), афф. -āk, -ek, -ūk, -γa, -gū являются фонетическими вариантами единого некогда форманта *k ~ *g ~ *γ.

-(e)l: *köceɪ* [91, 139] 'сердце, душа' < *kō + ц II (Кононов 1980, 95) + афф. -(e)l.

Можно привести еще два примера, которые в контексте приобрели другое значение и из разряда прилагательных перешли в разряд существительных, то есть субстантивировались. Это явление относится к синтактико-морфологическому способу словообразования, ср.: *öküɹ* 'сирота' < 'осиротевший, сирый' и *altɹaɹ* 'золото, золотой, цвета благородного металла' (само слово исторически восходит к *al* 'алый, красный' + *toɹ*, *toɹ* 'медь, драгоценный металл').

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Из форм прилагательных, существовавших в древнетюркскую эпоху, в языке исследуемых надмогильных надписей зафиксированы лишь единицы.

На памятнике из Болгарского городища¹² приведено следующее выражение: *jätim, tuɪ öküɹzläɹne awaɹaɹaɹ* 'одиноких, вдовых сирот кормивший'. В существовавших доныне переводах это место (см.: Березин 1852, 120; Юсупов 1960, табл. 15) звучало как "сирот, вдов, бедных (по Березину - "и сирых") кормилец", то есть эти лексемы выступали в качестве однородных членов предложения. Однако слово *öküɹ* 'сирота', генетически являющееся привативным прилагательным¹³, субстантивировалось,

¹¹ Слово *kō, видимо, имеет семантическую связь с общеалтайским *kōke- 'сосать грудь' (подробнее см.: Колесникова 1972, 78-84, 297).

¹² См. рис. 5.

¹³ Ср.: *öküɹ* [91] 'сирота' < *ök* (~ *ög* 'мать', где -g перешел в -k в результате регрессивной ассимиляции) + афф. -üɹ. Существует мнение, что этот привативный формант является показателем лишительного (или отсутственного) падежа (подробнее см.: Закиев 1964, 207-219; Щербак 1977, 99), однако ряд ученых считает его образующим привативное прилагательное (Серебренников, Гаджиева 1979, 125-126; Кононов 1980, 107-108).

тем более что оно оформлено аффиксами мя, числа и падежа. С функциональной стороны, здесь относительными прилагательными можно считать образования *jätim* и *tuł*, выступающие в данном контексте в функции определения.

Одним из наиболее древних показателей относительного прилагательного считается афф. *-luγ*¹⁴. В одном тексте из с. Старое Калмашево Чекмагушевского р-на БАССР (см. рис. 12) зафиксировано слово *qutluγ* [235] 'счастливый', состоящее из именной основы *qut* 'счастье, благо, удача' + афф. *-luγ*.

В надписях встречаются прилагательные, заимствованные из арабского языка и выступающие в турецких конструкциях (целиком арабские предложения здесь не рассматриваются), например: *baqij dönja* [182] 'вечный мир', *fani dönja* [182] 'временный, бранный мир', ср. также: *möbäräk* [235] 'благословенный'.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

С и с т е м а с ч е т а. В специальной литературе наиболее древней системой счета принято называть ту, которая нашла отражение в рунических памятниках, где при обозначении десятков и единиц сначала ставились единицы¹⁵. Такая система применялась в памятниках некоторых регионов вплоть до XIII-XIV вв.¹⁶

В системе счета эпиграфических памятников Волжской Булгарии же числительные расположены по убывающему порядку — от высшего разряда к низшему, например: *jegerme eki* 'двадцать два' [90], *jeti jüz jegerme segiz* 'семьсот двадцать восемь' [164] и др. В текстах т- и дж-диалектов наблюдалась точно такая же система счета: ср. *žeti žür alü tođur* 'семьсот пятьдесят девять'.

К о л и ч е с т в е н н ы е ч и с л и т е л ь н ы е. Специфичность надписей предопределила употребление довольно большого количества числительных, в основном количественных и порядковых. В надмогильных текстах могут употребляться и другие группы числительных: в древнетурецких рунических памятниках, например, зафиксировано *üçgün* 'трое, все трое, втроем' (Кононов 1980, II4)¹⁷, в несторианских па-

¹⁴ В данном случае огласовка форманта не играет роли. О различных мнениях относительно этого форманта см. в работах: Щербак 1977, 109-112; Кононов 1980, 105-107.

¹⁵ Подробнее см.: Бартольд 1968, 363-364; Кононов 1980, II2.

¹⁶ Например, в Восточном Туркестане (Щербак 1961, 123), отдельные примеры имеются в памятниках Семиречья (Джумагулов 1971, 75).

¹⁷ Т. Текин (Teikin 1968, 148) приводит и формы *üçgü* 'трое, втроем', *ikgü* 'двое, вдвоем'.

мятников Семиречья - üčägü 'трое' (Дзумагулов 1971, 75).

В исследуемых нами эпитафиях применены следующие количественные числительные.

- 1: **бир** ber [181] // **бир** ber [90] - в составе on ber 'одинадцать', **бир** ber [211] - в составе elig ber 'пятьдесят один'.
- 2: **эки** eki [182] // **эки** eki [90] - в составе jegerme eki 'двадцать два'.
- 3: **үч** üč [175] - в составе qırq üč 'сорок три' // **үч** üč [62] - в составе onüč 'тринадцать'.
- 4: **төрт** tört [127] - в составе jegerme tört 'двадцать четыре' // **төрт** törüt [181] в составе seksän törüt 'восемьдесят четыре'.
- 5: **беш** beš [164] - в составе otız beš 'тридцать пять' // **беш** beš [80] в составе qırq beš 'сорок пять'.
- 6: **алты** altı [182] - в составе otuz altı 'тридцать шесть' // **алты** altı [242] - в составе altı jüz 'шестьсот'.
- 7: **жеті** jeti [62, 80, 90, 127, 153, 164 и т. д.] - в составе jeti jüz 'семьсот'.
- 8: **сегіз** segiz [164] - в составе jegerme segiz 'двадцать восемь' // [182] в составе segiz jüz 'восемьсот' и др. // **сегіз** segiz [62] - в составе elig segiz 'пятьдесят восемь'.
- 9: **тоқуз** toquz [213] - в составе elig toquz 'пятьдесят девять'.
- 10: **он** on [90, 164] // **он** on [62].
- 11: **он бир** on ber [90].
- 13: **он үч** onüč [62].
- 15: **он беш** on beš [164].
- 20: **якirmi** [90] // **якirmi** [127, 164] jegerme.
- 30: **отуз** [182, 241] otuz // **отуз** [164] otız.
- 40: **қырқ** [80, 175, 235] qırq.
- 50: **элк** [213] // **элк** [211] // **элк** [214] // **элк** [212] // **элк** [62] // **элк** [181] elig.
- 80: **сакан** [181] seksän.
- 100: **юз** [80, 90, 164, 175, 181 и др.] // **юз** [62] jüz.

Как видно из примеров, все названия имен числительных являются общетюркскими¹⁸.

В надписях один раз употреблено слово üküñ 'много', которое по своему лексико-грамматическому значению можно считать неопределенным количественным числительным, ср.: üküñ дәјер вақибе [153] 'множества благодеяний вершитель (досл.: хозяин множества благ)'. Правда, в отношении этого слова существует и иная точка зрения, на основе которой оно признается наречием¹⁹.

¹⁸ Ср., например, с восточнотуркестанскими числительными (Шербак, 1961, 119).

¹⁹ См., например, у А. Н. Кононова (1980, 141), в то же время

Порядковые числительные. Из формантов, образующих порядковые числительные, в исследуемых памятниках употреблены $-(e)n\check{s}e//-(l)n\check{s}i$ ²⁰ и $-n\check{s}$ (?). В тюркских языках более широко распространены разновидности $-n\check{s}i//n\check{s}i$, а $-n\check{s}$, считающаяся усеченной формой, зафиксирована в древних и некоторых среднетюркских письменных памятниках²¹, ср., например, в орхоно-енисейских рунических памятниках $\check{u}\check{s}\check{u}n\check{s}$ 'третий', $t\check{o}rt\check{u}n\check{s}$ // $t\check{o}rtin\check{s}$ 'четвертый' (ДТС, 581, 622), в восточнотуркестанском языке X–XIII вв. $ikin\check{s}$ 'второй', $t\check{o}rtin\check{s}$ 'четвертый', $\check{u}\check{s}\check{u}n\check{s}$ 'третий' (Шербак 1961, 120), в несторианских памятниках Киргизии $ikin\check{s}$ 'второй', $jitin\check{s}$ 'седьмой' (Джумагулов 1971, 73).

Трудно определить, какая из этих форм была характерной для языка исследуемых нами памятников, ибо порядковые числительные в них встречаются весьма редко, а форма $-n\check{s}$ зафиксирована пока всего один раз, см.: $on\ altin\check{s}$ 'шестнадцатый', хотя здесь же имеется и вариант $-n\check{s}e$: $on\ t\check{o}rten\check{s}eda$ 'в четырнадцатом'²², см. также формы $\check{u}\check{s}en\check{s}e$ [80] 'третий', $on\ altin\check{s}i$ [182] 'шестнадцатый' (рис. 11, 19). Можно было бы утверждать о наличии связи между формами на $-n\check{s}$ (граф. $\check{c}$) исследуемых надписей и памятников более ранней поры. Но такому утверждению в какой-то мере противоречит применение усеченной и полной форм порядкового числительного в одном тексте.

Обратимся к p-язычным памятникам Волжской Булгарии. Мнение об оформлении порядковых числительных в группе p-язычных болгарских эпитафий при помощи аффикса $-n\check{s}$ в свое время вызвало серьезное возражение, а чтение одного аффикса как $-n\check{s}i$ требовало доказательств²³. В порядке некоторого уточнения этого вопроса следует указать, что в том памятнике, как показало изучение текста в полевых условиях в 1981 г., выре-

Т. Текин (Tekin 1968, 149) и Я. Экман (Eckmann 1968, III) причисляют его к разряду неопределенно-количественных числительных (indefinite numeral).

²⁰ В тексте одного памятника (см. рис. 12), возможно, был употреблен вариант аффикса порядкового числительного с губной огласовкой. Но испорченность памятника не позволяет восстановить форму целиком, читается лишь часть числительного: ... $\check{u}\check{s}\check{u}$ ...

²¹ А также употреблялись в старотурецком и староузбекском языках (Шербак 1977, 146).

²² См. рис. 4. Здесь налицо субстантивация порядкового числительного, когда при отсутствии определяемого существительного числительное субстантивируется и принимает аффиксы, как и имена существительные. В данном случае оно оформлено аффиксом местного падежа $-da$.

²³ Подробнее см. в работе: Хакимзянов 1978, 66–67.

зано جاءمئى ǰǝmǝi 'двадцатый', где -ǝi является показателем принадлежности²⁴. Таким образом, в другой группе эпиграфических памятников Волжской Булгарии афф. -nǝ , -nǝi для оформления порядковых числительных не применялись.

Пока трудно окончательно решить вопрос о применении формы -nǝ при образовании порядковых числительных в исследуемой группе 3-язычных памятников. Здесь контраргументом, заслуживающим серьезного внимания, может выступить графический фактор — резчик мог быть воспитан в такой орфографической традиции, в которой над- и подстрочные добавочные знаки не находили своего материального отражения. В такой системе письма одна графема использовалась для различных фонологических единиц, что, видимо, не мешало их распознаваемости. Кроме того, резчик довольно-таки рассеян: у него случаются пропуски отдельных букв, что невозможно объяснить диалектными включениями.

МЕСТОИМЕНИЕ

В рассматриваемых эпиграфических текстах зафиксированы местоимения почти всех групп (хотя и не полной парадигмы). Это — личные местоимения ul ²⁵ [42] 'он', alar [139, 153] 'они', указательные местоимения bu [153, 212] 'это', ol [139] 'тот', относительное местоимение kem [139] 'который'.

Личные местоимения, зафиксированные в надписях, позволяют предположить общетюркский характер не только форм 3-го лица, но и других. В памятниках личное местоимение 3-го лица mǝ , числа alar 'они' стоит в винительном падеже, ср.: $\text{alar} + \text{nǝ}$ 'их', что также свидетельствует об общетюркском характере парадигмы.

Указательные местоимения bu 'это' и ol 'тот' по своим особенностям являются обобщенно-указательными и обнаруживаются почти во всех живых тюркских языках и историко-литературных памятниках.

В эпиграфических памятниках местоимение bu обычно употребляется в определительной позиции, однако в рассматриваемых эпитафиях оно выступает в несколько иной роли. Здесь мы встречаемся с инвертированным порядком слов, при котором bu приобрело стилистическую коннотацию, ср.: Aǝan belǝǝve bu [212] 'Ачана надмогильный знак это'. Как правило, такое явление наиболее характерно для эмоциональной или же разговорной речи. В данном случае реальнее будет предположить возможность отражения

²⁴ См. табл. 16 у Г. В. Юсупова (1960), который опирался на эстампаж, приведенный в работе Х. Фейзханова (Фейз-ханов 1863, табл. П), то же самое и у Г. Ахмарова (احمراف 1908).

²⁵ Здесь возможно чтение и с начальным o- . Текст надписи, видимо, выполнен двумя резчиками и неграмотно написанный трехстрочн. текст был впоследствии добавлен к другой эпитафии (см. рис. 20).

последней, что подтверждается и наличием имени собственного Асап (~ Āṣāp), заимствованного из арабского языка (ср. حَمِيْن 'красивый, прекрасный' и т. д., а также имя собств. Хасан) и часто встречаемого в эпитафиях Волжской Булгарии без фонетических трансформаций в виде Nāṣāp. Исследователями отмечен перебой ĩ // в в некоторых говорах татарского языка (Бурганова 1962, 28).

Во втором примере бу выступает в качестве подлежащего простого предложения с обычным порядком слов: бу ...žomadi-l-äwväli ajiñiç, on altinç (1) küle erdi [153] 'это ...был шестнадцатый день месяца джумада I'.

Если бу считается указательным местоимением ближнего плана, то ul ²⁶ 'тот' – местоимением дальнего плана. В контексте это местоимение выступает со своим определяемым словом, например: rähmät ul mi'minça [139] 'спасибо тому правоверному'.

Относительное местоимение, как правило, возникает из вопросительного местоимения, хотя исследователями оно не всегда и выделяется. В нашем примере, в котором мы усматриваем наличие относительного местоимения, кем 'который' формально можно перевести и словом "кто", однако в нем уже нет вопросительного значения, ср.: rähmät ul mi'minça, кем ber Fatijha, üç İhlas sügäsen oqisa [139] 'спасибо тому правоверному, который (кто) один раз прочтет Фатиху и трижды суру Ихлас!' Хотя по происхождению кем и является вопросительным местоимением, в предложении оно нередко выступает как вопросительно-местоименное относительное слово придаточного предложения и не воспринимается в своем изначальном значении, ср.: кем körvä, oqır Fatijha sügäsen [42] 'кто увидит, тот прочтет суру Фатиха (то есть первую суру Корана)'.

ГЛАГОЛ

Личные формы глагола

И з ъ я в и т е л ь н о е н а к л о н е н и е в надписях представлено тремя временными планами: настоящим, прошедшим и будущим. Здесь в основном речь будет идти о формах 3-го лица ед. числа, так как, за некоторыми исключениями, других форм не обнаружено.

I. Настоящее-будущее время I, основой которого выступает причастие на - ğ + личные аффиксы. По своей семантике его можно назвать конкретным временем, так как им обозначается действие, одновременное с моментом речи, ср.: köğärmen döñjanı wājrañ barı [144] 'вижу мир развалиной по существу (досл.: всё разваленный)'. Настоящее I время присутствовало и в памятниках древнетюркской письменности; наиболее активным, а иногда и единственным оно выступало в среднетюркских литературных памятниках.

²⁶ В тексте написано через üäü с даммой (см. рис. 9).

ках, например в "Гулистане" С. Сарая (Надзия 1975, вып. I, 179).

В текстах надписей наиболее активной является настоящее-будущее время, образованное при помощи присвязочного члена *tugur* (< *tug-* 'стоять' + афф. *-ur*), ср.: *Tuǰǰa zijaǰāti tugur* [213] 'это есть место погребения Туǰчи'. Из данного контекста видно, что действие в момент речи еще не завершилось, а продолжается.

Как указывает А. М. Сербак (1961, 193), имеющаяся в языке восточнотуркестанских текстов предикативная частица *tur*(*ur*) начиная с XII-XIII вв. постепенно утрачивает последний слог. В "Мухаббат-наме" Хорезми, например, полная форма *турур* и краткая *-тур// -дур* употребляются параллельно, хотя и преобладают краткие формы (Надзия 1961, III). Такое же положение наблюдается и в старотатарских памятниках деловой письменности XVIII в., ср.: *minem qulimdir* 'это есть моя рука' и *kūzemez tullı jaǰ torir, künçemez tullı qan torir* 'наши глаза полны слез, душа полна кровью' (Маннапова 1982, 55).

2. Прошедшее категорическое время образовано при помощи афф. *-di// -di*: *jegerme eki jaǰında wafat boldı* [90] 'в двадцать два года скончалась'; *hiǰrätqa jeti jüz jegerme segizdä erdi* [164] 'по хидаре в семьсот двадцать восьмом было'.

В надписях зафиксировано и другое прошедшее время – прошедшее результативное, основой которого выступает причастие прошедшего времени на *-yan// -gän*: *tamyaǰı İbrahim as-Suwari wafat bolıyan* [153] 'сборщик податей Ибрагим Суварский скончался'. В данном примере форма на *-yan* имеет значение прошедшего неочевидного (результативного) времени – говорящий сам не был свидетелем действия, а судит об этом лишь исходя из конечного результата. Такая форма прошедшего времени в основном характерна для тюркских языков кыпчакской и карлукско-уйгурской групп, а также для всех языков Сибири и Алтая, кроме якутского (Серебрянников, Гаджиева 1979, 183; Щероак 1981, 92).

В текстах есть один пример, показывающий применение и другой формы прошедшего результативного времени – формы на *-mıǰ*. В языке рунических памятников единственной формой, выступающей в указанной функции, была форма на *-mıǰ* (Кононов 1960, 188–189). В караханидских и старокыпчакских литературных памятниках формы на *-mıǰ* и *-yan* употреблялись параллельно. В исследуемой нами надписи XIII в. форма на *-mıǰ* функционирует с недостаточным глаголом *-er* 'быть': *hämiǰä baǰıj ermiǰ* [144] 'постоянность вечна'.

3. Будущее I время, основой которого выступает причастие будущего времени на *-r* обозначает предположительное, неопределенное действие. По своему типу образования это время обнаруживает сходство с настоящим-будущим временем на *-r*²⁷, ср.: *Allahu ǰiler ul ǰiler* [42] 'Аллах

²⁷ Подробнее см.: Щероак 1981, 85–91.

пожелает и он придет.²⁸ Если форма *ñiler* (должно быть *tiler*) передает неопределенность, потому что еще не известно решение субъекта (в данном случае - Аллаха), то в семантике второй формы - *helir* (должно быть *kelir*) - присутствует элемент долженствования.

Желательное наклонение в текстах представлено формой 3-го лица ед. числа на *-sun// -sün*. В ряде современных грамматик такая форма рассматривается в парадигме повелительного наклонения, но, как отмечал еще Б. А. Серебrenников (1963, 68), с точки зрения историка языка, такое построение не выдерживает критики²⁹. Данная форма имеет больше значение желания, нежели повеления, и когда-то, очевидно, имела чисто желательное значение, о чем говорит образование ее при помощи общеалтайского форманта желательного наклонения: *-su* (*-zu*) + *n* (?).

Семантика данной формы в исследуемых нами надписях позволяет считать ее желательным наклонением, ср.: *Tägalä gāñmät qñlsun!* [161] 'Всевышний пусть помилует!', *Tāñri gāñmäte berlä sewendürsün!* [164] 'пусть обрадует Всевышний своей милостью!'. В этих примерах больше чувствуется мольба, просьба, чем повеление в какой-бы то ни было форме.

Условное наклонение имеет показатель *-sa*, наиболее характерный для многих тюркских языков. Обычно, в зависимости от контекста и содержания основного глагола, формы на *-sa // -sä* могут выражать разновременные условия. В зафиксированном нами примере условие относится к плану будущего, поэтому и основной глагол стоит в форме будущего времени: *kem körsä oñir Fatlñha sügäsen* [42] 'кто увидит, тот прочтет суру Фатиха (то есть первую суру Корана)'.
Неличные формы глагола

Причастия в своих синтаксических функциях бываюТ близки к существительным или прилагательным. Причастия, зафиксированные в рассматриваемых эпиграфических памятниках Волжской Булгарии, образова-

---

²⁸ Фонетический облик некоторых тюркских слов этого памятника нельзя рассматривать как нечто закономерное, так как трехстрочн. текст с этими словами дописан к тексту на другом диалекте и резчик, видимо, не владел литературным языком (см. рис. 20).

²⁹ Правда, А. Н. Коновов в древнетюркских текстах формы на *-su // -zū*, *-sun // -sün* также относит к повелительному наклонению, хотя и пишет, что они обозначают пожелание, просьбу. А Т. Текин называет ее волеизъявительно-императивным (*the voluntative-imperative*) наклонением (Текин 1968, 187). Условно именует ее формой повелительного наклонения и А. М. Щербак (1961, 144).

ны при помощи афф. -*yaq* // -*gān*, -*qaq* // -*kān* и относятся ко второму типу³⁰. Они обозначают признак по действию, завершившемуся в прошлом, поэтому их можно называть прошедшими неочевидными причастиями, ср.: *galırlarğa ağırlayan, jätim, tul öküzlärge azağan Musa...* [91] 'почитавший ученых, одиноких, вдовых сирот кормивший Муса...' или *galırlarğa qatırılğan qılqan hām alarnı sevgān, mäsjeclär gıjmarāt qılqan ...* [153] '(давший) образование ученым и их любимый, воздвигавший мечети... Ходжа'.

В орхон-енисейских рунических памятниках такая форма причастия отсутствовала, а в восточнотуркестанском языке X-XIII вв. она уже зафиксирована. Правда, А. М. Щербак отмечает, что причастия "встречаются редко и в качестве атрибута" (1961, 138). Причастные формы на -*yaq* // -*gān* и -*qaq* // -*kān* считаются характерными показателями языков кыпчакско-огузской группы.

Д е е п р и ч а с т и е. Из различных форм деепричастий, известных по письменным памятникам и современным тюркским языкам, в текстах зафиксировано соединительное деепричастие на -*ıp*. Обычно эта форма выражает действие, предшествующее основному действию; например, ср.: *āgraf qılıp, aχirāt varajına ulananda* [139] 'совершив благодеяния, когда достиг дворца загробной (райской) жизни' или *māegür qılıp, Käüvār bārabı berlä qandursun* [127] 'обрадовав, да утолит напитком Кевсара'.

В памятниках можно увидеть отглагольную форму, образованную при помощи аффиксов причастия -*yaq* // -*gān* и оформленную аффиксом местного падежа: *kelgāndā* [181] 'когда приходил' < *kel-* 'приходить' + афф. -*gān* + афф. -*dā*³¹; *ulananda* [139] 'когда достиг' < *ula-* 'достигать; соединяться' + афф. -*n* + афф. -*yaq* + афф. -*da*. Семантика данной формы стоит ближе к деепричастию, так как она, являясь обстоятельством времени, характеризует основное действие.

Категория залога

Исходя из отношений между действием и действующим лицом, в тюркских языках исследователями установлено наличие пяти залоговых разрядов. Из них три — основной, возвратный и пассивный — зафиксированы в рас-

³⁰ Б. А. Серебренников и Н. З. Гаджиева называют их отглагольными прилагательными, которые со временем превратились в причастия прошедшего времени (1979, 226-227, 230-231).

³¹ Памятник сильно испорчен и это место читается не полностью (см. рис. 19). Однако мы здесь предполагаем точно такую же конструкцию предложения, какая применена в других эпитафиях более позднего периода (см.: Юсупов 1960, тексты 7 и 8 в "Приложении").

Основание глагола не имеет специального показателя и совпадает с первичной основой.

Возвратный залог образован при помощи аффикса // -п: *sewen-* [164] 'радоваться' < *sew-* 'любить' + залог. аффикс. -еп, ср. др.-тюрк. *sefin-* 'радоваться' (Коновалов 1980, 176). В этом же тексте к форме возвратного залога присоединен аффикс. -диг, образующий понуудительный залог, который генетически состоит из двух первообразных формантов - -д + -г, ср.: *sewen-* + *-düg-* 'обрадууй'. См. также: *qan* + *-düg-* [127] 'напой, утоли жажду' < *qan-* 'напиваться, утолять жажду' + залог. аффикс. -диг.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛА

В исследуемых надписях зафиксированы все типы глагольных основ. Как в другой группе эпиграфических памятников Волжской Булгарии (см.: Хакимзянов 1978, 75), так и в данных текстах больше встречается корней основ, ср.: *kel-* [42, 181] 'приходить', *кӧг-* [42] 'видеть', *bol-* [62, 90, 153 и т. д.] 'быть', *qıl-* [139] 'громко читать', *qan-* [127] 'напиваться, утолять жажду' и др.

Из производных глагольных основ можно указать на следующие: *awga-* 'воспитывать' [91, 139] < *awı* 'воскормленный, выросший' (Севертрян 1974, 194) + глаголообр. аффикс. -га (< г- + -а); *ayırğa-* [91] 'уважать, почитать' < *ay* 'сваливаться в сторону, свешиваться, перевешиваться (на одну сторону)' + аффикс. -г³² (*ayır* 'быть тяжелым', в то же время см. омоформу *ayır* 'тяжелый; драгоценный; дорогой; почтенный; святой' и т. д.) + глаголообр. аффикс. -ла³³.

Сложные глаголы, как и во многих других тюркских памятниках и языках, образованы по следующей модели: "имя + вспомогательный глагол". Вторым компонентом в надписях выступают глаголы *bol-* 'делаться, становиться', *qıl-* 'делать', *er-* 'быть, существовать'.

Глагол *bol-* встречается в словосочетании с именем *wafat* (< араб. *وفاة* 'кончина, смерть'); *wafat bol-* 'умереть, скончаться', которому придает страдательно-возвратное значение.

Глагол *qıl-* в надписях сочетается с различными именами, например с *tärbijä* (< араб. *تربية* 'развитие, воспитание, обрезание'), *gäñmäät* (< араб. *رحمة* 'милость, сострадание, милосердие'), *gijmarät* (< араб. *بنا* 'населенность; строительство'), но семантику не меняет: *tärbijä qıl-* 'воспитать' [153], *gäñmäät qıl-* [91, 181] 'скалиться, смилоствивиться', *gijmarät qıl-* [153] 'воздвигать, сооружать'.

³² -г является омоаффиксом, образующим и имя, и глагол.

³³ Об этом аффиксе подробнее см. Серебрянников 1972, 64-68.

ПОСЛЕЛОГ И СОЮЗ

Послелоги тесно связаны с падежной системой и выражают синтаксические отношения.

В надписях зафиксирован послелог *berlä 'с'* (< *berläp*), который имеет значение инструменталиса, то есть передает творительный падеж: *kāūyār āgarabi berlā qandugān!* [127] 'пусть утолит напиток Кеусара!', *tādri gāhmāte berlā newendūgūn!* [164] 'Всевышний пусть обрадует своей милостью!'.

Из союзов в надписях представлен соединительный союз *hām 'и'*, являющийся не собственно тюркским, а заимствованным из персидского языка, ср.: *galimlārqa tārbi jā qillqan hām alarpi newgān* [153] '(давний) образование ученых и их любивший'.